

1. Ингеборг Фляйшхауэр. Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939: Пер. с нем. / Вступ, сл. В. М. Фалина; Предисл. Л. А. Безыменского. М., 1990.
2. Loeber D.A. Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutschbalten aus Estland und Lettland 1939– 1941. Neumunster, 1972.
3. Hehn I. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen. Das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte. Marburg / Lahn 1982.
4. Benjamin Pinkus/ Ingeborg Fleischhauer. Die Deutschen in den Sowjetunion. Baden-Baden, 1987.
5. Крупников П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века – 1945 год). Рига, 1989.
6. Baltische Briefe. 1964. № 11.
УДК 94:327(430+476) «1917»

А. М. Бабков

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЛОРУССКИЙ ФАКТОР В ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

После Февральской революции и активизации литовского и белорусского национального движения в политических кругах Германии наметилась тенденция к поддержке литовского плана создания национального государства с включением в его состав части оккупированных западно-белорусских земель и находящегося под полным немецким контролем. Особую роль в обсуждении вопроса о будущей литовской государственности сыграла литовско-белорусская делегация, посетившая в марте 1917 г. Берлин. К белорусскому национальному движению германские власти относились как более слабому, а белорусскую территорию рассматривали в качестве разменной карты в намечавшихся сепаратных переговорах с Россией.

Февральская революция в России, провозгласившая право народов на самоопределение, заставила правящие круги Германии отказаться от открытых претензий к прибалтийским и западно-белорусским территориям. Планы скрытых аннексионистов получили свое развитие в поддержке национальных политических сил по созданию «самостоятельных» государств. После провозглашения Королевства Польского они сделали главную ставку на создание «самостоятельной» Литвы.

Весной 1917 г. обсуждение планов создания Литовского государства с включением в его состав западно-белорусских земель

было поставлено в практическую область. В марте по приглашению МИД Германии в Берлин прибыла «депутация Верховного национального литовского комитета», в состав которой входили литовцы А. Сметона, Ю. Шаулис, П. Кайрис и белорусский национальный деятель А. Луцкевич, который не дождавшись официального приема у германских властей, возвратился в Вильно, что было ошибкой с его стороны. Во время переговоров литовской делегации с ответственными чиновниками МИД Германии во главе со статс-секретарем А. Циммерманом были намечены основные контуры будущего Литовского государства, которое не входя в состав Германской империи, было бы тесно связано с ней в военном и экономическом отношениях. В переданном литовской делегацией меморандуме А. Циммерману на имя канцлера в состав «новой» Литвы предполагалось включить белорусские земли Виленской губернии, а также часть Гродненской и Минской губерний [1, л. 34]. В нем утверждалось, что «в немецкой оккупационной зоне совсем нет белорусов-католиков, а есть только литовцы, которые разговаривают по-литовски, по-польски и по-белорусски» [2, с. 65].

Высказанное А. Циммерманом согласие с литовским меморандумом в целом соответствовало отводимой немцами Литве роли противовеса Польше. Создав под своим контролем Литву, расширенную за счет северо-западных белорусских земель, они бы получили и католическую Беларусь, т. к. понимали, что Россия не согласится на отделение всей Беларуси. К тому же Западная Беларусь не досталась бы Польше. Литва, включавшая в свой состав Виленщину и Гродненщину, становилась сильно зависимой от поддержки Германии.

Российские дипломатические представители в нейтральных странах, корреспонденты Петроградского телеграфного агентства, пристально наблюдавшие за поездкой литовско-белорусской делегации в Берлин, сообщали в Петроград, что «литовская депутация ездила в Берлин с целью предупредить правительство Германии, что в Литве неминуем всеобщий бунт, если продолжится жесточайший оккупационный режим князя Изенберга... и если Германия не заявит своих намерений относительно Литвы» [3, л. 34]. Однако главной целью делегации являлось вручить имперскому правительству меморандум с требованием создания Литовского государства и заручиться его согласием.

Газета «Биржевые Ведомости», ссылаясь на швейцарские источники, подтверждала сведения о прибытии в Берлин литовско-белорусской делегации на совещание по вопросу о будущем

государственном устройстве Литвы. «Разговор идет о провозглашении Литвы независимым государством, входящим в состав германского союза» [4, л. 32].

Поверенный в Делах Российской империи в Берне В. Сватковский, основываясь на сведениях, полученных от участников «берлинской депутации», в начале апреля 1917 г. доносил в Петроград, что А. Циммерман «не связывая себя формально установил в переговорах с делегатами основы будущего Литовского государства, которое не входя в состав Германской империи, будет связано с ней в военном и экономическом отношениях» [5, л. 34]. В. Сватковский также отметил, что при обсуждении вопроса о границах будущей Литвы «пожелания литовцев значительно возросли». Германская сторона соглашалась с тем, что «Литва будет состоять из губерний Ковенской, Виленской, Сувалкской и вероятно частей Гродненской и Минской губерний, ибо Германия считается с желанием белорусов возобновить историческую связь с Литвой» [6, л. 34]. Спекулируя на приверженности руководителей белорусского национального движения исторической концепции возрождения белорусско-литовского конфедеративного государства, германские власти подменили ее согласием на включение западно-белорусских земель в состав Литовского национального государства.

А. Луцкевич крайне негативно оценил политическую позицию литовской делегации в Берлине в марте 1917 г. Он записал впоследствии в своих показаниях перед органами НКВД в 1939 г. как после возвращения в Вильно узнал из немецких газет, что «на другой день после его отъезда из Берлина литовцы были приняты канцлером одни и притом предложили конкретный проект относительно строительства «Литвы». Только позже выяснилось, что их план предусматривал независимую Литву в таких границах, чтобы литовцы имели численное преобладание над белорусами и другими национальностями вместе. Столицей должно было стать Вильно» [7, с. 139]. Литовские притязания на западно-белорусские земли вызвали протесты белорусской общественности в Вильно.

Будучи председателем Виленской Белорусской Рады, в своем интервью А. И. Луцкевич отметил, что между белорусами и литовцами происходил острый «спор из-за «католической» Беларуси, а именно: из-за Вильно и ее окрестностей, а также Лидского, Ошмянского, Свенцянского уездов». Он отверг литовские притязания на эти земли как необоснованные. Литовцы установили «своеобразный критерий для определения национальности в крае: они за признак литовской национальности признали католическое

вероисповедание и объявляют литовцами всех католиков, включая сюда белорусов, крепко придерживающихся своего белорусского языка» [8, с. 172].

Как писала газета «Вольная Беларусь», «создание такой Литвы позволило германским властям вложить яблоко раздора в отношения между литовцами и белорусами, которые издавна были исключительно добрососедскими» [9].

После отъезда литовской делегации из Берлина вопрос о государственности Литвы продолжал обсуждаться в правительственных кругах Германии. На совещании с участием канцлера получил дальнейшее развитие план образования буферного литовского государства. На нем было заявлено о «невозможности более тесного присоединения Литвы к Германии», поэтому «решили создать независимое литовское государство-буфер по примеру польского. Провозглашение одного из сыновей Вильгельма II литовским королем также признано ныне неудобным, ибо оно компрометировало шансы мира без аннексий» [10, л. 21]. Относительно дальнейшей политической тактики в решении вопроса создания Литовского государства, большинство поддерживаемое А. Циммерманом, настаивало «применить как и в польском вопросе дедуктивный метод» – сначала «провозгласить литовскую независимость» как свершившийся факт и затем заняться ее устройством». По мнению сторонников А. Циммермана, это «благоприятно повлияет» на другие национальности. Более умеренные политики при обсуждении спорных территориальных вопросов между будущей Литвой и Польшей предлагали воздержаться от окончательных решений, чтобы «не озлоблять поляков, претендующих на Вильно и Сувалкскую губернию и не мешать переговорам о мире с Россией». Они призывали «следовать индуктивному методу «при образовании Литовского государства: сначала создать литовский государственный совет и администрацию и провозгласить королевство лишь когда вопрос о мире окончательно созреет» [11, л. 22].

Активизация белорусского национального движения на неоккупированной территории Беларуси, находившейся под юрисдикцией России, вызвала существенный резонанс в западно-белорусских землях, что привело к усилению германского контроля над белорусским национальным движением. Германские власти заподозрили белорусское движение в пророссийских настроениях. В апреле 1917 г. русский посланник в Женеве В. Сватковский, ссылаясь на информацию прибывшего в Швейцарию литовского

делегата, сообщал в Петроград, что «германцы в последнее время утратили интерес к белорусскому вопросу, убедившись, что белорусы «слишком русские»» [12, л. 21]. С этого времени германские агенты стали работать в направлении создания союза литовцев с белорусами под руководством литовцев против поляков.

Весной 1917 г. состоялось ряд совещаний с участием представителей правительства и Верховного командования по выработке нового политического курса Германии в отношении России, в том числе и Обер Оста. В складывавшейся новой геополитической ситуации в военно-политических кругах аннексионистская политика на оккупированной немецкими войсками территории прикрывалась поддержкой проекта белорусских политиков по возрождению исторической государственности. Так, 5 апреля 1917 г. на совещании в Бингене П. Гинденбург и Э. Людендорф «ставили конечной целью образовать в области Восточной зоны герцогство Курляндское и Великое княжество Литовское, которые теснейшим образом примыкали бы к Германии и возглавлялись бы Его Величеством» [13, с. 63]. С военной прямоотой Э. Людендорф высказался за установление «личной унии», которая могла бы связать их с престолом прусского короля или тронном германского императора [14, с. 471]. Прикрывая свои аннексионистские планы в отношении прибалтийских и западно-белорусских земель, Э. Людендорф обосновывал их военно-стратегическим значением для кайзеровской империи как «заслона новому нападению на Германию–Пруссию со стороны России» [14, с. 471]. Более того, он не скрывал, что рассматривает эту территорию для устройства германских солдат после войны.

Важнейшее значение при определении политики Германии в отношении прибалтийских, польских и западно-белорусских земель имеет программа военных целей, принятая 23 апреля 1917 г. на совещании в Кройцнахе высшим политическим руководством и военным командованием. Канцлер Т. Бетман-Гольвег согласился с требованием начальника генерального штаба П. Гинденбурга самим военным устанавливать восточную границу, согласно которой «Курляндия и Литва до обозначенной Верховным главнокомандованием линии должна отойти к Германской империи». На юге эта граница была установлена примерно по «линии Белосток–Неман южнее Лиды» и включала западно-белорусские земли. «Особое место на совещании было уделено Беловежской пуще с ее огромными лесными ресурсами, которая «должна быть приобретена как государственное имущество». Потерю Россией литовских,

латышских и западно-белорусских земель германские власти обещали компенсировать в Восточной Галиции и Молдавии [15, с. 719]. На конференции была отброшена идея расширения Польши в сторону Вильно.

Территория Западной Беларуси оказалась в сфере не только литовских, но и польских интересов, и служила разменной картой в германской восточной политике. В польском вопросе Кройцнахское совещание подтвердило прежние германские планы «поставить конгрессовую Польшу под полный военный, политический и экономический контроль». Только при таких условиях Верховное главнокомандование соглашалось «частично отказаться от польской пограничной линии». Но германские власти могли компенсировать эту уступку полякам установлением «второй приграничной полосы», хотя о ней на совещании отдельно не говорилось. Во втором пункте постановления Кройцнахского совещания относительно установления восточной границы Польши ей была «обещана возможность расширения границ в направлении на Восток», т. е. практически за счет белорусских территорий, не затрагивая интересов Литвы и Курляндии» [15, с. 719].

После Февральской революции в политических кругах Германии вынуждены были отказаться от открытых притязаний на белорусские территории, с потерей которых не соглашалась Россия. В начале скрытые аннексионисты сделали ставку на включение оккупированных западно-белорусских земель в состав «Великой Литвы». Чтобы поддержать иллюзию литовцев о расширении Литовского государства, в его состав планировалось включить кроме Ковенской и Виленской также большую часть Сувалкской и Гродненской губерний [16, л. 432, 471]. Воссоздание «Великой Литвы» германские политические круги рассматривали также как средство давления против России на сепаратных мирных переговорах. Однако немцам была не выгодна большая Литва. Когда весной 1917 г. началась практическая подготовка к созданию литовского государства, они отдали предпочтение созданию «Малой Литвы».

В ответ на германскую поддержку иллюзии воссоздания Литвы в границах Обер Оста белорусские политики на оккупированной территории начали активно пропагандировать собственные идеи и проекты возрождения государственности. А. Луцкевич отмечал, что двойственность в литовских планах Германии привела «белорусов на распутье... В случае нашего согласия на строительство «Малой Литвы», включающей далеко не всю оккупированную немцами белорусскую территорию, а лишь Вильно, Лиду, Щучин, Гродно,

Волковыск и Соколку (кажется всё), количество белорусского населения было таково, что должно быть в Тарибе представительство... десятикратное против предлагаемого литовцами» [7, с. 138].

Таким образом, после Февральской революции в германской политике ослабления России появилась тенденция размежевания литовского и белорусского вопросов. Однако, несмотря на активизацию белорусского национального движения весной 1917 г. белорусский вопрос не стал самостоятельным в германской восточной политике. В Берлине была сделана ставка на использование литовского национального движения, которое рассматривалось как более сильное. Оккупированные западно-белорусские земли служили разменной картой в литовской политике Германии и планировавшихся сепаратных переговорах с Россией.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики России (далее АВРП). – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
2. Гімжаускас, Э. Беларускі фактар утварэння сучаснай літоўскай дзяржавы. 1915–1917 гг. / Э. Гімжаускас // Гістарычны альманах. – Гародня : Беласток, 2005. – Т. 11. – С. 57–70.
3. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
4. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
5. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
6. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
7. Собственноручные показания А. И. Луцкевича 30 октября 1939 г. / Неман. – 1995. – № 1. – С. 128–166.
8. Луцкевіч, Антон. Барацьба за вызваленне. – Антон Луцкевіч / Вільня : Інстытут беларусістыкі ; Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства. – 2009. – 649 с.
9. Вольная Беларусь, 1917, 8 снежня.
10. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
11. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
12. АВРП. – Ф. Особый политический отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
13. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад. : А.Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 снежня 1919 г. – 539 с.

14. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.

15. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Сборник документов: в 2 т. / Ред. коллегия: С. Дернберг и др. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 1. – 758 с.

16. АВПР. – Ф.Канцелярия. – Оп. 470. – Д. 66. –Т. 11. – Л. 432, 471.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ